

XXXVII.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

№ 3

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содрж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и К. М. СТАНЮКОВИЧА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1906

Выданъ 21-го января 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ **40 книгъ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

и первые 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6.50

Безъ достав-
ки въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи .

7 р. 25 н.

Безъ достав-
ки въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7.50

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
границу. **12 р.**

Урокъ.

Повѣсть

Б. Лазаревского.

(Продолженіе).

VII.

Занятія сразу наладились симпатично. Первую недѣлю объ ученицы готовили уроки особенно хорошо. Ясно было, что Лена гораздо способнѣе. Въ диктовкѣ она почти не дѣлала ошибокъ и рѣшала въ умѣ очень сложныя задачи. Дина писала хуже, а когда занималась арифметикой, то долго что-то шептала и имѣла нехорошую привычку стирать цифры прямо пальцемъ. Порядочно она готовила только исторію, но хронологія ей тоже не давалась, и тѣмъ не менѣе Константину Ивановичу было пріятнѣе заниматься съ ней, чѣмъ съ Леной, которая все время вертѣлась и задавала посторонніе вопросы.

Дина никогда ни о чемъ не спрашивала, и послѣ длиннаго объясненія только лицо ея дѣлалось серьезнѣе. Константину Ивановичу нравилось это выраженіе, особенно когда

Передъ зеркаломъ. Картина Е. Спиро, гравюра Гедана.

правая ея черная бровь поднималась чуть выше лѣвой. И ему пріятно было чувствовать, какъ ея глаза слѣдятъ за движеніемъ его головы и губъ. Дина казалась ему симпатичнѣе, когда была въ простенькой ситцевой кофточкѣ, а на плечахъ у нея лежалъ сѣрый пушистый платокъ, чѣмъ затаившая въ корсетъ и одѣтая въ платье, похожее на форменное гимназическое.

Замѣтивъ, что ей больше всего нравится исторія, Константинъ Ивановичъ сталъ самъ готовиться къ каждому уроку, и когда разсказывалъ прочитанное, то ему казалось, что онъ излагаетъ событія не хуже, чѣмъ знаменитый профессоръ, на лекціи котораго сходились студенты всѣхъ факультетовъ. Присутствовала ли при этомъ Любовь Петровна, — ему было все равно, но когда въ комнату входила Ольга Павловна, то слова, какъ на зло, укладывались не такъ гладко и красиво.

Лена же, бывало, рѣшитъ въ двѣ минуты задачу, откинется на

спинку стула, и если въ комнатѣ нѣтъ Любви Петровны, смѣющимся голосомъ спросить:

— Константинъ Ивановичъ?

— Что?

— Вѣдь ящерица потому не умѣетъ плавать, что у нея между пальцами нѣтъ перепонокъ?

— Откуда вы это взяли?

— Но вѣдь у Любви Петровны между пальцами тоже нѣтъ перепонокъ, а все-таки она хорошо плаваетъ,—перевивала Лена.

— Не остроумно это, Лена, право же не остроумно, и старо.

— Можетъ быть. Ахъ, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось пробѣжать по липовой аллеѣ до самой бесѣдки, и быстро, быстро, чтобы вѣтеръ въ ушахъ гудѣлъ и чтобы и Томка догнать не могъ.

— Вотъ придутъ Рождественские праздники, поѣдете и будете бѣгать.

— Зимой въ аллеѣ много снѣгу и бѣгать нельзя, а лучше кататься на конькахъ,— снова сказала Лена.

— Ну, и отлично, а теперь возьмите богослуженіе Рудакова, да подучите его, а то мнѣ Любовь Петровна жаловалась, что вы не знаете даже, какъ начинается все-нощное бдѣніе.

— Завтра, завтра, завтра все выучу,—защелкала Лена и, двинувъ стуломъ, начала складывать тетрадки.

„Бѣсенокъ, а не дѣвочка,—думалъ Константинъ Ивановичъ:—и устанешь послѣ занятій съ нею очень,—но бѣсенокъ симпатичный и милый“.

Ему нравилось, что у Орѣховыхъ въ городѣ мало знакомыхъ и не бываетъ званныхъ вечеровъ. Когда въ праздникъ или въ чей-нибудь день рожденія къ Динѣ и Ленѣ приходили гимназистки или двоюродный братъ, кадетъ шестого класса съ товарищемъ,—Константинъ Ивановичъ, послѣ вечерняго чая, сейчасъ же прощался.

„Самое симпатичное въ этой семьѣ то, что всѣ они, повидимому, любятъ деревню и только о ней и мечтаютъ,—думалъ онъ по дорогѣ домой:—люди, стремящіеся къ природѣ, не могутъ быть плохими“.

Прежде ему не нравилось, что у нихъ во всѣхъ комнатахъ слишкомъ много зеркалъ, а теперь это казалось оригинальнымъ. Въ первые дни ему не понравилось, что въ этомъ домѣ ужъ очень часто и вкусно ѣдятъ, теперь же онъ думалъ: „Нелѣпно было бы питаться худо, если есть возможность питаться хорошо“...

Неприятными были только два обстоятельства: во-первыхъ, то, что здѣсь никто не любилъ читать, и книги, которыя онъ приносилъ, по мѣсяцамъ валялись на роялѣ не разрѣзанными или открытыми на первой страницѣ. Послѣ Левушки остался цѣлый шкафъ съ книгами въ роскошныхъ переплетахъ и стоялъ онъ въ классной комнатѣ, но ни Лена, ни Дина никогда къ нему и не подходили.

Вторую неприятность составляло желаніе Любви Петровны заключить съ Константиномъ Ивановичемъ что-то въ родѣ дружбы. Она часто говорила: „нашъ судьба свела,—мы служимъ одному святому дѣлу“, и потомъ ни съ того, ни съ сего смѣялась: ках... ках... ках... Уходить она умудрялась именно тогда, когда уходилъ и Константинъ Ивановичъ, и часто провожала его до самого дома. Хотѣлось побыть одному, обдумать всѣ впечатлѣнія вечера, а сбоку все время звучалъ и раздражалъ голосъ женщины, чужой и жалкой. „Безпомощна, какъ курица, и глупа, какъ курица“,—думалъ онъ каждый разъ, когда здоровался и прощался съ нею.

За полтора мѣсяца самъ онъ тоже измѣнился и почему-то не прочелъ ни одной книги, а въ университетъ заглянулъ только разъ пять, не больше. Изъ перваго жалованья онъ купилъ себѣ новую фуражку и замшевыя перчатки, которыхъ раньше никогда не носилъ.

Какъ-то послѣ урока онъ случайно пошелъ въ гости къ богатому однокурснику Толстопятову. Тамъ засидѣ-

лись, а за ужиномъ много выпили. На улицу вышли только въ три часа, когда уже перекликались пѣтухи. Начная тишина охватила весь городъ. Одинъ изъ студентовъ зашѣлъ красивымъ баритономъ:

Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
Безъ васъ не мыслю дня прожить...
Я подвигъ силы без-при-мѣ-рной...

Константинъ Ивановичъ нахмурился, слушая сильный голосъ, и потомъ ему вдругъ захотѣлось увидѣть Дину. Отъ сознанія, что это невозможно,—стало грустно и не хотѣлось ни съ кѣмъ разговаривать.

У своего подъѣзда пришлось звонить долго. Было очень свѣжо и въ лѣтнемъ пальто холодно. Константинъ Ивановичъ часто вздрагивалъ.

Отецъ вышелъ въ одномъ бѣльѣ, стукнулъ сильно дверью и, запахивая на груди сорочку, крикнулъ:

— Шляешься по ночамъ, балванъ!

На слѣдующій день у Константина Ивановича долго болѣла голова и во рту чувствовалась неприятная терпкость. Было неловко передъ отцомъ и почему-то хотѣлось плакать. Но какъ только онъ вошелъ въ квартиру Орѣховыхъ, настроеніе сразу поднялось. Дина въ этотъ день занималась особенно прилежно. Сочиненіе, которое онъ задалъ ей вчера на тему „Городъ и деревня“, было написано хотя и съ ошибками, но въ немъ ясно слышались ея симпатіи къ деревнѣ. Лена вела себя тихонько.

Послѣ урока, въ столовой Константинъ Ивановичъ увидѣлъ Винтера и очень ему обрадовался. Въ прошломъ году этотъ рыжеватый нѣмецъ былъ въ его глазахъ только добросовѣстнымъ сухимъ труженикомъ, теперь же онъ казался ему очень близкимъ и добрымъ человекомъ, благодаря которому вся жизнь приняла иное направленіе и пошла къ свѣту.

Винтеръ говорилъ мало и, несмотря на упрямство Ольги Павловны, ничего не ѣлъ, а только мѣшалъ въ стаканѣ ложечкой, поправляя по временамъ очки съ очень толстыми стеклами. Произносилъ онъ слова и строилъ фразы по-русски почти правильно, только съ буквой „в“ у него не ладилось и она часто звучала какъ „ф“. Ровно въ десять часовъ Винтеръ застегнулъ на сюртукъ верхнюю пуговицу, всталъ и началъ прощаться. Съ нимъ вышелъ и Константинъ Ивановичъ.

Облака нависли надъ городомъ и чуть свѣтлѣло только то мѣсто, гдѣ спряталась луна. Фонари не горѣли. Срывался по временамъ сильный вѣтеръ и морозило. Гдѣ-то время отъ времени гремѣла оторвавшаяся желѣзная вывѣска. Людей почти не встрѣчалось. Винтеръ и Константинъ Ивановичъ подняли воротники и шли молча. По лицамъ ихъ зачастили не то капли дождя, не то крупинки, а черезъ нѣсколько минутъ складки на пальто и поля шляпы Винтера поблѣбли.

— Вотъ и зима пришла,—сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Да, это она обрадовалась, что увидѣла своего однофамильца...

— Вотъ что, Фридрихъ Осиповичъ, я хотѣлъ еще разъ поблагодарить васъ за то, что вы доставили мнѣ такой хорошій урокъ...

Винтеръ промолчалъ и закурилъ папироску, а потомъ, будто про себя, заговорилъ:

— Семья Орѣховыхъ очень милая семья. Папашу я не совсѣмъ люблю, хотя и говорятъ, что онъ тамъ важный общественный дѣятель. Но мать и дочери—это прелесть что такое. И тѣмъ не менѣе я тамъ не могу бывать, не чувствуя грусти. Мнѣ трудно забыть Левушку. Ахъ, если бы вы знали, какой это способный былъ мальчикъ, прилежный, честный. И какъ разъ во время экзаменовъ это воспаление мозга. Онъ былъ какъ Ленокка, но тише. Тогда ему только-что окончилось шестнадцатъ лѣтъ. Почему? Зачѣмъ это случилось? Кому нужна была эта смерть? Вы знаете, какъ онъ много чи-

таль... Я видѣлъ разъ, какъ онъ плакать надъ севастопольскими разсказами Толстого...—онъ опять помолчалъ и спросилъ:—Ну, а какъ ваши барышни?

— Пока я доволенъ. Мнѣ онѣ кажутся представительницами того будущаго хорошаго поколѣнія, которое обновитъ всю русскую жизнь.

— Да... Дина уже совсѣмъ взрослая, хорошая дѣвушка. Это будетъ очень счастливый человѣкъ, который станетъ ей мужемъ. Лена еще дитя, но общается тоже быть такой же здоровой и тѣлесно и морально. Отъ такихъ женщинъ никогда не произойдутъ какіе-нибудь дегенераты въ стилѣ *moderne*. Ахъ, знаете, что дѣлается! Дѣйствительно, нужно обновленіе. Лѣтомъ я былъ въ Одессѣ и своими ушами слышалъ, какъ одна гимназистка говорила подругѣ, что романъ съ женатымъ человѣкомъ гораздо интереснѣе, ибо онъ, боясь жены, никогда не станетъ хвастаться, и многому можетъ научить. Вѣдь это ужасно!..

— Да, ужасно, — согласился Константинъ Ивановичъ. — Я думаю, что семья и деревня спасутъ Дину и Леночку отъ этихъ мерзостей.

— Конечно, конечно. Я не понимаю, почему Кальнишевскій такъ скучалъ. Это хорошо, что у нихъ теперь вы. Я немножко наблюдателенъ, и когда рекомендовалъ васъ, какъ учителя, то зналъ, что Орѣховы останутся довольны. Кальнишевскій требовалъ отъ дѣвочки такого серьезнаго отношенія къ наукѣ, какого можно требовать развѣ отъ взрослой курсистки. Но педагогія не въ этомъ: нужно считаться и съ возрастомъ, и со всѣмъ строимъ семьи. Какъ вы думаете?

— Думаю, что вы говорите правду.

— Кальнишевскій только знающій человѣкъ, а вы тоже знающій человѣкъ, но вы еще немножко и поэтъ, и это хорошо. Я часто слышалъ ваши разговоры въ лабораторіи.

— Ну, какой я поэтъ!

— Винтеръ тоже засмѣялся. На углу слѣдующей улицы онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ влѣво. Луна выглянула изъ-за облаковъ. На тротуарахъ было скользко, и Константинъ Ивановичъ одинъ разъ чуть не упалъ. Оправившись, онъ снова сталъ шагать машинально и думалъ о томъ, въ какой средѣ люди симпатичнѣе и полезнѣе.

И ему пришло въ голову, что понятія городскихъ людей о добрѣ и злѣ основаны на книжной наукѣ, на искусствѣ профессиональномъ и на жизни окружающихъ. Жители же деревни берутъ свою мораль изъ собственнаго опыта и изъ природы. Горожане правду слышатъ будто изъ фонографа, а деревенскіе люди—будто отъ страстно говорящаго живого человѣка, поэтому они и лучше и добрѣе. Отъ сознанія, что для разрѣшенія такого серьезнаго вопроса онъ нашелъ удачное, по его мнѣнію, сравненіе, на душѣ стало весело.

Когда Константинъ Ивановичъ легъ въ постель, то снова мелькнула мысль, что, пожалуй, онъ ошибся и сперва нужно самому посмотреть и тѣхъ и другихъ людей, и тогда только можно сказать навѣрное, которые изъ нихъ лучше и счастливѣе. Заснулъ онъ съ головою болью, и въ эту ночь ему ничего не снилось.

VIII.

И Винтеръ и Ольга Павловна, когда говорили объ отцѣ Дины и Лены, то всегда прибавляли слово „дѣталь“. Поэтому Орѣховъ представлялся Константину Ивановичу нестарымъ еще человѣкомъ, съ большою окладистой бородой, непременно въ очкахъ и съ длинными волосами. Однажды вечеромъ въ передней протрещалъ долгій звонокъ, а черезъ минуту въ классную комнату влетѣла Леночка и, подвизгивая, проговорила еще на ходу:

— Динка, Константинъ Ивановичъ, идите скорѣе въ столовую, папа прѣбѣхалъ...

Константинъ Ивановичъ настоялъ однако, чтобы окончена была задача, которую рѣшала Дина, потомъ по-

теръ руку объ руку, ласково поглядѣлъ и солиднымъ баскомъ произнесъ:

— Ну, а теперь поидемте знакомиться съ папой.

Степанъ Васильевичъ оказался высокимъ человѣкомъ съ большой лысиной и сѣдыми баками, какія бываютъ у людей, желающихъ придать своему лицу выраженіе чиновничьей важности. Уголки его рта немного опустились, и вся кожа была дряблая, а подъ небольшими, но блестящими глазами легли мѣшочки. Одѣтъ онъ былъ въ изящную сѣрую пару, и на ногахъ у него были ботинки на пуговицахъ.

— Здравствуй, здравствуй, моя булочка пухлая, — сказалъ онъ и, взявъ Дину за плечо, чмокнулъ ее въ щеку. — Здравствуйте, молодой человѣкъ, — продолжалъ онъ тѣмъ же привѣтливымъ, немного хриплымъ голосомъ, и на Константина Ивановича пахнуло запахомъ крѣпкой сигары.

Изъ деревни Степанъ Васильевичъ привезъ масла, нѣсколько окороковъ, творогу и два огромныхъ мѣшка антоновскихъ яблокъ. Все это пока лежало на полу, и отсюда пахло домашнимъ полотномъ и холодомъ.

„Какъ это странно, какъ это странно, что видъ у него, будто у какого-нибудь директора департамента, — думалъ Константинъ Ивановичъ: — и зачѣмъ эти ботинки? Развѣ старые люди носятъ такую обувь? Впрочемъ, это показывается только, что онъ человѣкъ съ европейскимъ вкусомъ, въ деревнѣ онъ, вѣроятно, одѣвается иначе.“

Орѣховъ, не сядя за столъ, допилъ стаканъ чаю и снова заходилъ взадъ и впередъ по столовой. Онъ продолжалъ разсказъ о томъ, какъ машинистъ испортилъ молотилку, и нѣсколько разъ повторилъ, что всякаго человѣка, который берется не за свое дѣло, слѣдуетъ повѣсить.

Ольга Павловна слушала его, нахмуривъ лобъ и постоянно поправляя пенсне; она какъ будто думала о чемъ-то другомъ, и сама стала иная.

— Хорошо еще, что Брусенцовъ далъ свою молотилку, а то бы пришлось опоздать съ хлѣбомъ на цѣлый мѣсяцъ. А интенданты требуютъ непременно соблюденія срока. Вотъ и представь себѣ мое положеніе. Слава Богу, съ картофелемъ во-время успѣли устроиться, восемь тысячъ пудовъ на ректификаціонный заводъ сдать, деньги получилъ, проценты уплатить, и хоть немного легче вздохнулось. Налей мнѣ еще чаю, только покрѣпче... Если бы нашелся покупатель, ей-Богу продалъ бы все и уѣхалъ бы въ Москву. И этотъ бы домъ продалъ... Однихъ налоговъ приходится платить до трехсотъ рублей, да ремонтъ тоже около этого стоитъ. Пользы же отъ него, кромѣ даровой квартиры, ни малѣйшей...

По выраженію лица Ольги Павловны было видно, что все это она слышала уже много разъ. Орѣховъ сѣлъ и помѣшалъ ложечкой въ стаканѣ.

— Ну, а какъ ваши дѣла? — спросилъ онъ Константина Ивановича.

— Ничего, я своими ученицами доволенъ.

— А ученицы вами?

— Этого ужъ я не знаю.

— Ты, булочка, довольна новымъ репетиторомъ? — спросилъ онъ Дину и поправилъ у нея на лбу прядь волосъ.

— Д-а-а.

— А ты, Лена?

— Очень, очень, очень, — скороговоркой отвѣтила Лена и откусила чуть не половину яблока.

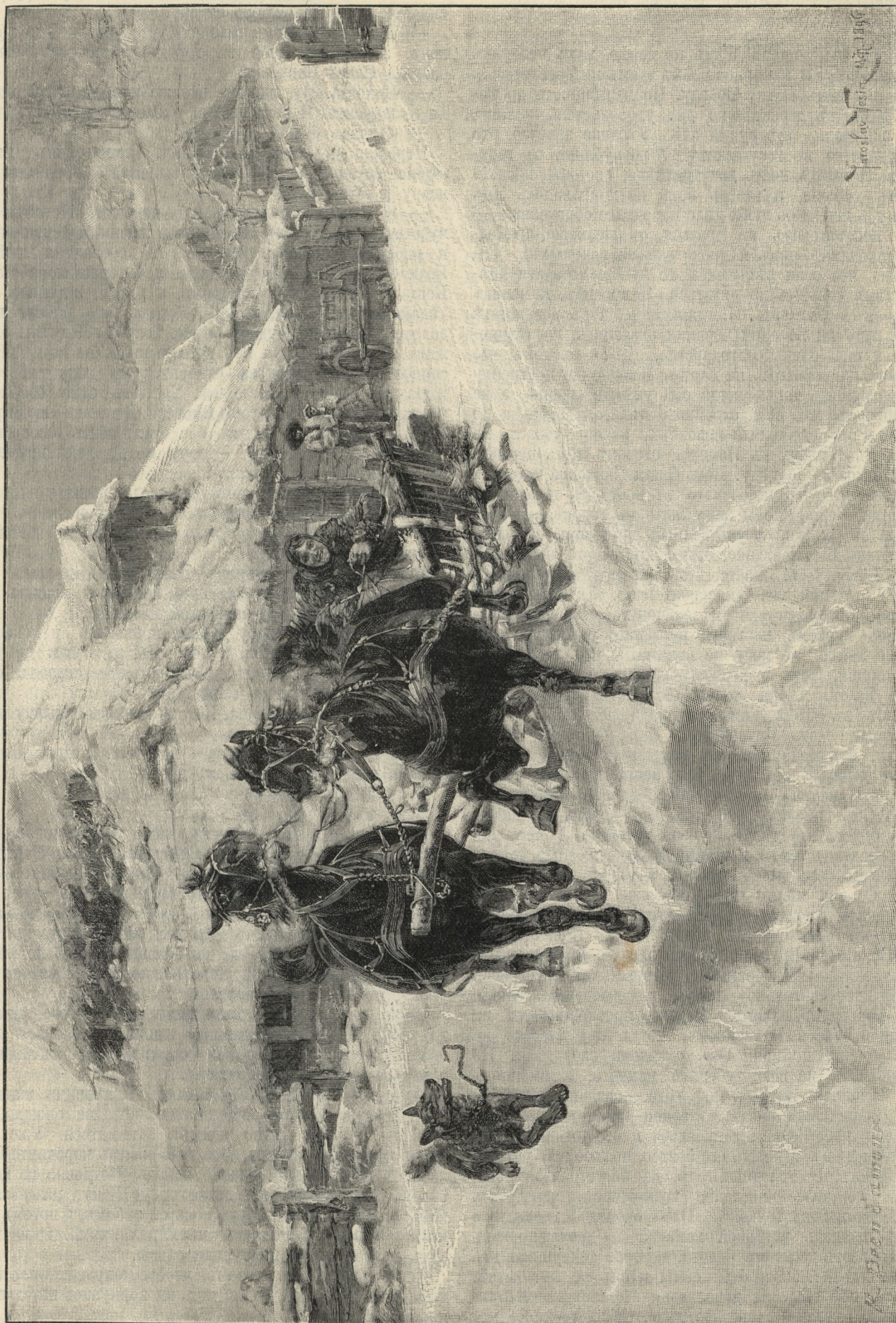
„Удивительная дѣвочка, — подумалъ Константинъ Ивановичъ: — ни одной фразы не скажетъ просто.“

— Ну, и отлично. Завтра непременно зайду и самъ послушаю, какъ вы отвѣчаете уроки, — сказалъ Орѣховъ и, повернувъ голову къ Константину Ивановичу, спросилъ:

— А вы въ деревнѣ когда-нибудь жили?

Слово Любви. Картина Э. Пфеннишмида, правюра Тедана.

Лихой выездъ. Картина Ярослава Вѣшина, гравюра Брендамюра.

— Нѣтъ.

— Значить, объ уѣздномъ земствѣ, объ урожаяхъ, о рабочихъ рукахъ и о другихъ прелестяхъ понятія не имѣете?

— Нѣтъ.

— Вотъ счастливцевъ! Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ образованный, вы навѣрное всѣмъ этимъ интересуетесь... Ну, такъ я вамъ скажу правду. По нынѣшнимъ временамъ, жить въ деревнѣ не для удовольствія, а такъ, чтобы работать,—это суицидъ. Уѣздное земство, это не государство въ государствѣ, а республика въ государствѣ. Я имѣлъ честь два трехлѣтія состоять председателемъ управы, а теперь вотъ не понравилось мнѣ то, что я,—искренно любя дѣло народнаго образованія,—только совѣтовалъ не драться съ церковно-приходскими школами,—такъ и прокатили на вороньихъ!.. Согласитесь, что если нѣтъ мяса, то лучше питаться хлѣбомъ, чѣмъ совсѣмъ не питаться. Я просилъ, я молилъ объ одномъ,—обождать. Соглашались, а въ результатъ у меня чуть ли не одни черняки оказались. Въ сущности же я имѣю очень благодаренъ... Дѣло въ томъ, что все у насъ раздѣлилось на партіи. Всякую же постройку легче разрушить тогда, когда она уже расчленена, а не представляетъ изъ себя стройнаго цѣлага. Теперь я по крайней мѣрѣ свободный человѣкъ, захочу уѣхать въ Питеръ, въ Москву, въ Парижъ, словомъ, хоть немного освѣжить мозги,—и уѣду. Вотъ Ольга Павловна и дочери мои любимыя отъ Знаменскаго въ восторгѣ, и если бы не мои настоянія, чтобы зиму жить въ городѣ,—то онѣ бы тамъ и умерли, а умственный кругозоръ Дины и Лены сталъ бы не выше, чѣмъ кругозоръ любой поповны. Ей-Богу-съ! Знаете, кто тормозитъ дѣятельность земства? — Ваши же, университетскіе. Ей-Богу-съ! Я самъ не университетскій и закончилъ свое образованіе лишь курсомъ частнаго реального училища... Но тѣмъ не менѣе, не могу не понимать, что кому дано много знаній, тотъ и долженъ дѣлать болѣе важную работу. Да-съ. А они только болтаютъ. Правда, есть и у насъ въ уѣздѣ университетскій человѣкъ — свѣтлая голова, — это Брусенцовъ. Изъ принципа, понимаете ли, изъ принципа, онъ государственныхъ экзаменовъ не держалъ совсѣмъ. Ему непріятна была самая мысль, что наука,—чистая наука,—дастъ патентъ на службу. Онъ находитъ, что тотъ, кто хочетъ приносить пользу, будетъ это дѣлать и безъ патента... У него двѣ тысячи десятинъ земли, и знаете, сколько на нихъ теперь долгу—всего семь тысячъ рублей, а у насъ земля очень дорога. Со дня смерти отца, онъ уже успѣлъ погасить восемнадцать тысячъ,—почти столько же, сколько я принужденъ былъ сдѣлать новаго долга. Конечно, и я не нищій, но до Брусенцова мнѣ далеко. Брусенцовъ—это тотъ истинный дворянинъ, который для интересовъ губерніи дѣйствительно готовъ пожертвовать собой... Нашъ старикъ-предводитель недолго проскрипитъ, и на его мѣстѣ будетъ Брусенцовъ. Тогда ему плевать на всякія земскія исторіи. Онъ сдѣлаетъ свое дѣло. Но Брусенцовыхъ на всю губернію немного, а именно—одинъ. Человѣку тридцать два года,—онъ не пьетъ, не куритъ, нравственно чистъ, а главное—работаетъ, съ утра до вечера работаетъ. Его усадьба и все имѣніе содержатся образцово. Мужики его боятся, но любятъ, увѣряю васъ, любятъ. Въ голодный годъ онъ не устраивалъ столовыхъ, но далъ населенію возможность заработать деньги честнымъ трудомъ. Онъ окопалъ громадную лѣсную площадь глубокой канавой и дренажировалъ почти семьсотъ десятинъ болота, которое теперь пашутъ тѣ же крестьяне. Люди были сыты и онъ не въ убыткѣ. Когда же обѣ стороны довольны,—это вѣрнѣйшій признакъ, что сдѣлано серьезное дѣло. Единственное, что онъ себѣ позволяеть,—это въ сентябрѣ или въ октябрѣ пожить въ Ялтѣ. И знаете, сколько онъ за два мѣсяца тамъ проживаетъ? Шестьсотъ цѣлковыхъ... Это въ Ялтѣ,

и при пятнадцати тысячахъ годового дохода! Къ сожалѣнію, Брусенцовыхъ въ Россіи очень и очень немного...

Степанъ Васильевичъ умолкъ и началъ раскуривать спичкой давно потухшую сигару.

— Ты вотъ любишь говорить, что деревней не доволенъ, а пересели тебя въ городъ, затосковалъ бы, — сказала Ольга Павловна.

— Никогда. Ну, однако, что же чай, да чай. Не пора ли и закусить. Я безъ ужина и заснуть не могу.

— Сейчасъ будетъ и ужинъ.

Перешли въ гостиную. Степанъ Васильевичъ, мягко скрипя ботинками, снова заходилъ взадъ и впередъ по ковру и заговорилъ:

— Я почему стремлюсь изъ деревни? Потому, что чувствую, какъ усталъ отъ нелѣпой жизни, изнервничался и работаю непроизводительно. А деревню я люблю. Если бы мнѣ годы Брусенцова, я бы еще поработалъ. Когда я увлекался хозяйствомъ, я только и думалъ, что дѣлаю все для сына, который будетъ мою работу продолжать. Но Богъ судилъ иначе. Если бы Левушка былъ живъ, я увѣренъ, что изъ него вышелъ бы второй Брусенцовъ. Если человѣкъ относится къ дѣлу серьезно, тогда все ладится, а польза выйдетъ сама собой. Я уважаю Кальнишевскаго и Винтера, хотя мы—люди разныхъ взглядовъ, за то, что оба они любятъ свое дѣло и вѣрятъ въ свои силы,—ѣдутъ по дорожкѣ прямо,—въ сторону не сбиваются...

Константинъ Ивановичъ слушалъ внимательно, но правъ или не правъ Орѣховъ,—рѣшить не могъ. Для него было только понятно, что это человѣкъ живой и горячій, но не развитой.

Передъ ужиномъ Степанъ Васильевичъ досталъ изъ чемодана бутылку, отдѣланную кожей, и выпилъ изъ нея три большихъ чарки желтой настойки.

— Вотъ и пить водку дурная привычка, и пока человѣкъ молодъ, ее легко и побороть, а я ужъ не могу отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, — сказалъ онъ, тщательно завѣшиваясь салфеткой.

Бѣлъ онъ много и молча. Потомъ выпилъ бутылку пива и сказалъ:

— Ну, господа, извините, — я спать. Усталъ съ дороги, а послѣзавтра опять въ дорогу.

Константинъ Ивановичъ сталъ прощаться.

Лежа въ постели, онъ думалъ:

„Лена вся въ отца, и сынъ, вѣроятно, былъ такой же живой, а Дина—какъ мать. Вѣроятно, Ольга Павловна чувствуетъ недостатки мужа, а молчитъ и любитъ,—любить и хорошее и дурное, что въ немъ есть,—это по глазамъ ея видно. Интересно, однако, будетъ познакомиться съ Брусенцовымъ, что это за птица такая? Не то идейный работникъ, не то аферистъ,—не поймешь. И нужно будетъ завтра хорошенько подготовиться къ уроку, чтобы не оскандалиться“.

Когда онъ уже совсѣмъ засыпалъ, въ его ушахъ, какъ будто издали раздавался хриплый голосъ: „если человѣкъ относится къ дѣлу серьезно, тогда все ладится, а польза выйдетъ сама собой“...

На слѣдующій день Константинъ Ивановичъ входилъ въ классную комнату и немного волновался, ожидая, что скажетъ Орѣховъ о его способѣ заниматься. Уже рѣшили нѣсколько задачъ. Все шло своимъ чередомъ. Явилась съ подвязанной щекой Любовь Петровна и, перебивая отвѣчавшую по синтаксису Лену, рассказала, какъ она мучилась цѣлую ночь съ зубомъ, а потомъ неизвѣстно чему засмѣялась: ках... ках... ках... И на глазахъ у нея вдругъ выступили слезы.

Дина, подергивая плечомъ, чтобы поправить платокъ, вышла въ столовую, но сейчасъ же вернулась и медленно проговорила:

— Папа сказалъ, что сегодня учиться больше не надо, онъ въ одиннадцать часовъ уѣзжаетъ въ Москву. Идите чай пить и ужинать.

Любовь Петровна опять засмѣялась и показала свои желтые зубы.

Столь былъ заставленъ всякими кушаньями и бутылками. Вкусно пахло маринованными вишнями. Степанъ Васильевичъ обѣдалъ ножку рябчика и сначала только кивнулъ головой, потомъ вытеръ руку, всталъ и поздоровался съ Константиномъ Ивановичемъ.

— Теперь налей мнѣ чаю, только покрѣпче, — сказалъ онъ женѣ и добавилъ: — конечно, если бы здѣсь можно было достать точно такую же сортировку, я бы не поѣхалъ въ Москву, но въ Москвѣ и лучше, и дешевле. Вообще же вѣялка такая вещь, что лучше покупать изъ первыхъ рукъ. Въ провинціи всякая фирма всегда сдаетъ товаръ поплоче. Одолжаться же я ни у кого больше не намѣренъ.

— А мнѣ кажется, что эти вещи и здѣсь не хуже, — сказала Ольга Павловна.

— Нѣтъ, никогда. Я знаю, что говорю...

Въ голосѣ Степана Васильевича послышалась какъ будто ложь. Онъ нагнулся надъ стаканомъ и, сильно прихлюпывая, сталъ пить чай.

Любовь Петровна слѣдила за каждымъ движеніемъ его губъ. Не закрытое повязкой, одно ея ухо горѣло. Относительно занятій съ дочерьми Орѣховъ такъ и не заговорилъ. Ольга Павловна ничего не ѣла. Константинъ Ивановичъ думалъ, уходитъ ему или оставаться. Онъ чувствовалъ, что между мужемъ и женой что-то не ладится. „Лучше попрощаться“, — подсказывала деликатность. А невольное любопытство хотѣло изъ дальнѣйшихъ разговоровъ побольше узнать объ этой, какъ будто не чужой ему теперь, семьѣ. Но Степанъ Васильевичъ разговоръ больше не подымалъ. Лена присмирѣла и, осторожно взявъ кисточку винограда, стряхивала съ нея опилки. Дина молча заплетала въ косички бахрому скатерти.

Когда было безъ четверти десять, Орѣховъ быстро поднялся и началъ собираться.

— Значитъ, до Рождества мы больше не увидимся, — говорилъ онъ Ольгѣ Павловнѣ, надѣвая въ передней высокія кожаныя калоши. — Въ Москвѣ я останусь не больше недѣли. А въ Знаменскомъ буду ожидать тебя съ дѣтьми пятнадцатаго декабря. Булочка лѣто училась, зимой, небось, отдохнуть хочетъ, да и Лена не прочь. Что еще? Вотъ побрякушекъ для елки въ школу ты купи здѣсь, — эти пустяки въ столицѣ дѣйствительно дороги. Ну, два мѣсяца пролетятъ быстро... Храни васъ всѣхъ Богъ! Давай, Анюта, шубу...

Орѣховъ надвинулъ на самый лобъ высокую барашковую шапку, поцѣловалъ жену и дѣтей, а Константину Ивановичу крѣпко пожалъ руку. Любови Петровнѣ онъ будто не замѣтилъ и вышелъ вслѣдъ за горничной, которая понесла чемоданъ.

— Прилетѣлъ и улетѣлъ, онъ у насъ всегда такой. Затворяй, Анюта, двери на цѣпочку, — грустно произнесла Ольга Павловна.

„Отчего у нея такое тревожное выраженіе лица? — думалъ Константинъ Ивановичъ. — Куда онъ поѣхалъ? Дѣйствительно по дѣлу или кутить? Онъ любитъ семью по-своему и врядъ ли что-нибудь понимаетъ въ дѣлѣ воспитанія? Впрочемъ, это естественно, его взгляды и понятія въ этомъ отношеніи не могли не устарѣть, а мое дѣло — научить дѣвочекъ, кромѣ предметовъ гимназическаго курса, еще и тому, какъ нужно относиться къ людямъ и ко всему, что жизнь даетъ хорошаго и дурного“.

Онъ тоже сталъ прощаться. Вышли вмѣстѣ съ Любовью Петровнѣй. Было холодно, какъ зимой, и телефонные столбы звонко гудѣли.

— Я думаю, этотъ вѣтеръ нагонитъ облака и къ завтрашнему вечеру можетъ упасть хорошая санная дорога, — сказалъ Константинъ Ивановичъ.

Вмѣсто отвѣта послышались звуки, непохожіе на обычный смѣхъ Любови Петровнѣй, а потомъ можно было различить и ея отрывисто вырвавшіяся слова:

— У нихъ, въ домѣ, я, положительно, осуждена разыгрывать роль собаки! Если бы вы знали, сколько мнѣ обязанъ этотъ Степанъ Васильевичъ, сколько разъ я молчала о его шапняхъ... Вы вотъ въ хозяйствѣ ничего не понимаете, а я понимаю. Онъ ѣдетъ въ концѣ октября покупать вѣялку, а я убѣждена, что уже весь хлѣбъ давно перевѣянъ и телеграмма отъ управляющаго, извѣстнаго жулика, — одинъ шахеръ-махеръ... и Ольга Павловна это знаетъ. Сколько ночей я не спала, когда у нихъ кто-нибудь бывалъ боленъ!.. Можно сказать, я всю жизнь имъ отдала, а меня не замѣчаютъ, игнорируютъ, — будто я этого не вижу...

Константинъ Ивановичъ не сразу сообразилъ сущность ея словъ. Его взволновало чувство жалости къ женщинѣ, у которой впереди такъ же темно, какъ и у любого бездомнаго бродяги, и, желая ее успокоить, и самъ волнуясь, онъ заговорилъ:

— Ай-ай, какая вы нервная и болѣзненно-самолюбивая. Кромѣ того, вы плохой психологъ. Поймите, что когда человекъ спѣшитъ, — озабоченъ, — онъ дѣлается разсѣяннымъ и могъ совершенно неумышленно съ вами не попрощаться.

— Знаю я, все знаю. Не говорите мнѣ... Вы здѣсь нѣсколько недѣль, а я... Если бы не Ольга Павловна, онъ бы меня въ двадцать четыре часа на улицу выбросилъ.

И до самаго дома она жаловалась на свою судьбу, а Константинъ Ивановичъ придумывалъ всякія фразы, чтобы успокоить ее, но это плохо удавалось. И такая она была пришибленная, ноющая, съ подвязанной щекой...

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Между нами, какъ и между всѣми,
Не людьми жестоко создана,
Непреклонно высится все время
Роковая, мертвая стѣна...

Опьяненіемъ ласки сладострастной,
Пониманіемъ дружески-святыхъ —
Мы сломить ее хотимъ напрасно
И предъ ней, безсильные, стоимъ...

Что же дѣлать!.. Всѣмъ подобно людямъ
Примиримся съ грустною судьбой
И любить и знать другъ друга будемъ
За глухой, высокою стѣной...

Но во снѣ — пусть чудныя видѣнья
Насъ несутъ къ предѣламъ стороны,
Гдѣ тепло и полно единенье,
Гдѣ никто не выстроилъ стѣны!..

Зоя Бухарова.

Война и нейтралитетъ. Картина В. Гента, авт. «Нивы».

„Ванька-Кайнъ“.

Очеркъ

В. А. Табурина.

(Съ портретомъ автора).

Въ вагонъ пассажировъ было мало. Въ одномъ концѣ шептались двѣ сестры милосердія, обмахиваясь снятыми съ головы платочками. Въ смежномъ отдѣленіи сидѣлъ полный генералъ въ разстегнутомъ кителѣ и, закрывъ глаза, томился и наслаждался жарой. Въ другомъ концѣ вагона скромно помѣстился заурядъ-прапорщикъ съ унтеръ-офицерскими лычками на новенькихъ золотыхъ погонахъ и деликатно сморкался въ чистый носовой платокъ, который онъ въ первый разъ въ жизни сталъ употреблять со вчерашняго дня.

Поездъ, простоявъ полчаса на станціи Годзяданъ, тронулся на югъ. Въ послѣднюю минуту въ вагонъ вошелъ человекъ, одѣтый въ хаки, съ красной перевязью на лѣвой рукѣ. Онъ сѣлъ на скамейку около окна, у котораго на противоположной скамьѣ уже сидѣлъ офицеръ генеральнаго штаба. Вначалѣ движенія поезда сосѣди молча поглядывали въ открытое окно, передъ которымъ мелькали вагоны стоящаго воинскаго поезда съ молодыми безусыми солдатами. Станція миновала, и зазеленѣли холмы съ бѣлыми палатками, обозами и артиллерійскими парками.

Затѣмъ офицеръ, прислонившись къ спинкѣ сидѣнья и позвякивая шпорой, снисходительнымъ взоромъ сталъ осматривать своего сосѣда, какъ истинный артистъ смотритъ на дилеттанта. Однако, его взглядъ, нервное перебирание рукою эксельбанта и дрожаніе ноги ясно говорили, что онъ хочетъ завести бесѣду со своимъ сосѣдомъ и сказать ему пару теплыхъ словъ.

Не зная, съ чего начать, онъ осматривалъ его съ головы до ногъ, бросая мимолетный взоръ на его полевую, офицерскаго образца, сумку, улыбнулся, замѣтивъ въ ней торчащее колечко компаса. Пыльные гетры сосѣда его смущали. Онъ даже сдвинулъ свой лакированный сапогъ, во избѣжаніе прикосновенія съ гетрами. Но, лежащая на скамейкѣ, фуражка офицерскаго образца, которую онъ не сразу замѣтилъ у своего сосѣда, уже окончательно вывела его изъ терпѣнія и онъ рѣшилъ нарушить свое молчаніе.

— На позиціи ѣдете?

— На позиціи...

Опять молчаніе.

— Судя по вашей перевязи, вы — военный корреспондентъ. Ужасно много этихъ корреспондентовъ въ Гунджулинѣ. Любопытно знать, что они тамъ дѣлаютъ?.. Все пишутъ и пишутъ?..

— По всей вѣроятности.

— И вы тоже — все пишете и пишете?..

— И я тоже пишу...

— Но, вѣдь, помните, чтобы писать, надо имѣть данныя, надо видѣть, надо имѣть точныя свѣдѣнія, но нельзя же такъ врать, какъ врутъ военные корреспонденты. Простите, это, конечно, васъ не касается... Я васъ не имѣю удовольствія знать...

— Я думаю, что такіа общія обвиненія тѣмъ болѣе неудобны...

— Простите, простите, я, можетъ-быть, немного рѣзко выразился, но я хочу стать на точку зрѣнія чисто принципиальную... Если бы я былъ главнокомандующимъ, я бы никогда не допустилъ въ армію корреспондентовъ. У васъ на рукавѣ буквы В. К. — *военный корреспондентъ*, но по-моему онъ должны означать со-всѣмъ другое, а именно — *Ванька-Кайнъ*...

Этимъ новымъ прозвищемъ сосѣдъ офицера былъ нѣсколько смущенъ. Онъ пристально всмотрѣлся ему въ лицо, собиравшись дать ему самый рѣшительный отпоръ, и тутъ только замѣтилъ, что оно ему знакомо...

Эти бѣлокурые, вздернутые кверху усы, гладко выбритый подбородокъ, маленькіе, пристальные глазки были ему знакомы и вызвали въ памяти обстановку не совсѣмъ обыкновенную.

— Вы на меня ради Бога не сердитесь... Я говорю принципиально. Ну, скажите, пожалуйста, откуда корреспонденты могутъ знать правду? Пожалуйте мнѣ документы, тогда я буду знать истину, а безъ нихъ я слѣпъ...

— Но, позвольте, почему вы думаете, что корреспонденты не пользуются документами? Очень даже пользуются. Тѣ, которые сжились съ извѣстной частью и заслужили довѣріе ея начальниковъ, знали о дѣлахъ части не меньше, чѣмъ начальникъ штаба... Но какъ разъ этотъ officialный матеріалъ и есть самый худшій для военнаго бытописателя.

— Это почему же?

— Потому что при этомъ онъ подчиняется бездарной и сухой канцелярищинѣ.

— Значитъ, онъ долженъ фантазировать?

— Позвольте... Бездарной съ одной стороны, а съ другой стороны... Вы сказали, что корреспонденты врутъ... Я выражусь болѣе деликатно: реляція и донесенія ошибаются...

Офицеръ сдѣлалъ энергичное усиліе вытянуть свой усъ до вы-соты козырька фуражки.

— Да... это бываетъ... но что-жъ изъ этого?..

— И бываетъ это или случайно, или тогда, когда это кому-нибудь выгодно. Можно постараться освѣтить фактъ съ той стороны, съ которой вѣрнѣе подойдетъ награда... Вамъ, какъ офицеру генеральнаго штаба, подобные случаи извѣстны болѣе, чѣмъ кому-нибудь.

Офицеръ глубоко вздохнулъ.

— Да, къ сожалѣнію, это бываетъ... Ошибки вездѣ возможны.

Онъ повертѣлъ въ рукахъ свой аннинскій темлякъ.

— Это награда, конечно, маленькая, но зато я получилъ ее не даромъ.

— А позвольте полюбопытствовать — за какое дѣло?

— Очень ужъ вы любопытны, господа корреспонденты... Ха-ха-ха... Что-жъ, извольте, я вамъ скажу... За 29-е сентября подъ Шахъ...

Ванька-Кайнъ задумался. Теперь вся фигура его сосѣда цѣлкомъ обрисовалась въ связи съ минувшей, окружавшей его обстановкой. Офицеръ опять заговорилъ.

— Итакъ, вы предпочитаете фантазировать?..

— Нисколько. Я предпочитаю видѣть своими глазами. Чѣмъ больше видишь, тѣмъ лучше...

— Но вѣдь для этого надо быть въ огнѣ...

— Необходимо...

— И вы были?

— Бывалъ...

— Почему же васъ до сихъ поръ не ухлопали?

— Потому что это не обязательно...

— Гм... Это весьма забавно. Но позвольте, хотя вы и боевой, но въ сущности вы все-таки штатскій человекъ... Что же вы можете понять въ военномъ дѣлѣ?..

— Я приѣхалъ сюда не командовать, а наблюдать. Можно хорошо пообзирать и судить о кушаньяхъ, не будучи поваромъ. Можно смотрѣть на картину и вполне понять ея содержаніе, не зная, какими красками она написана.

— Да... это весьма забавно... Но все-таки нужна подготовка.

— Необходима. Позвольте узнать, у васъ въ академіи читали лекціи о русско-японской войнѣ?

— То-есть, какъ же это?.. О ней еще не думали.

— Ну, вотъ видите. Вы ее стали изучать только теперь, и я съ вами, только еще раньше васъ — съ 17-го мая 1904 г. подъ Вафангоу... Вы, конечно, имѣли подготовку...

— Ну, я полагаю...

— Которая, однако, вамъ не только не помогла, но еще помѣшала...

— Ну, это вопросъ специальный...

— Оставимъ его. Но, во всякомъ случаѣ, военное дѣло изучается гораздо легче и доступнѣе на войнѣ, чѣмъ по книгамъ. По крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно необходимо мнѣ. Я смотрю на сцену и могу судить объ игрѣ актеровъ, не будучи ни режиссеромъ, ни машинистомъ, ни костюмеромъ, ни бутафоромъ... Въ бою я такой же зритель...

Офицеръ звякнулъ шпорой и закурилъ папироску.

— Все это, конечно, очень мило. Но, все-таки, вы человекъ штатскій, если вамъ это не обидно. Вы не нашего круга, многое пройдетъ незамѣченнымъ, а главное, вы для насъ чужой и не всегда желанный, вы для насъ Ванька-Кайнъ. Ваши коллеги много напортили намъ своей непрошенной и пристрастной критикой. Я вамъ опять скажу: на мѣстѣ главнокомандующаго ни одного бы штатскаго не допустилъ въ армію. Почему каждая редакція не вошла въ соглашеніе съ офицерами генеральнаго штаба? Я бы, напримѣръ, съ удовольствіемъ давалъ статьи и ужъ такъ и быть сталъ бы корреспондентомъ, притомъ настоящимъ военнымъ... У

нась теперь при штабѣ ровно никакого дѣла нѣтъ. Я занимаю должность адъютанта при штабѣ N-го корпуса. Съ начальником штаба я не въ ладахъ, даже не разговариваю съ нимъ... Теперь я получилъ хозяйственную командировку. Времени свободного сколько угодно.

— Вотъ и замѣнили бы нась, окаинныхъ... Вы, конечно, чувствуете призваніе къ этому дѣлу?

— Какое же призваніе? Пиши, что видишь.

— Да, но дѣло въ томъ, что надо умѣть видѣть.

— Что же, это наука?

— Нѣтъ, это искусство. Нужна нѣкоторая наблюдательность.

— Ну, это есть у каждаго образованнаго человѣка.

— А мы можемъ это проверить.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ. Вы меня помните?

— Васъ?.. Нѣтъ, что-то не припомню...

— А я васъ помню. Какъ же такъ? Я васъ помню изъ тысячи офицеровъ, а вы не помните меня, штатскаго, такъ сильно отличающагося отъ васъ.

— Очень просто. Я не обратилъ вниманія.

— Недостатокъ наблюдательности. Но пойдемъ дальше. Мы съ вами были свидѣтелями одного и того же большого, печальнаго дѣла: отступленія у Шаха. Вы его тоже не помните.

— Вы шутите?

— Нѣтъ не шучу. Вы его помните настолько, насколько это отнеслось къ реляціи и къ вашему темляку, но, какъ широкую потрясающую картину, вы его совершенно не помните. Вы сами офицеръ, но настроеніе отступавшихъ солдатъ вы тогда не понимали. Вы не помните даже самого себя...

— Но позвольте, вы что-то не то говорите.

— Нѣтъ, ужъ теперь вы мнѣ позвольте. Вы бросили фразу, что корреспонденты врутъ. Разрѣшите же мнѣ говорить одну правду, ничего не скрывая.

— Пожалуйста. Даже буду покорнѣе просить.

— Возьмемъ тотъ моментъ, когда, въ семьмъ часу вечера, вся равнина, въ пяти верстахъ южнее станціи Шаха, по обѣ стороны линіи дороги, была усыпана отступающими солдатами. Никакого строя не существовало, шли большею частью по одиночкѣ. Если попадались группы человѣкъ по пяти, то каждый былъ разныхъ полковъ. Ихъ обгоняли, скакавшіе группами и въ одиночку, конные охотники, артиллерійскіе уносы, передки. Ъздовые, съ болтающимися постромками, кавалеристы, походныя кухни, патронныя двуколки, шли и ползли раненые, нѣкоторыхъ несли на носилкахъ... Была полная картина отступленія, которая бываетъ только тогда, когда непріятель наступаятъ на плечахъ... А позвольте спросить, вы видѣли японцевъ?

— Нѣтъ, не видаль.

— И я тоже не видаль. Значить, отступали передъ невидимымъ врагомъ. Въ это время вы стояли на линіи, на переѣздѣ дороги. Вы стояли въ группѣ генераловъ и офицеровъ. Тутъ былъ генералъ Бильдерлингъ, кажется, генералъ Волковъ и другіе. Со стороны непріятеля слышны были выстрѣлы...

— Да, нась здорово осыпало шрапнелью...

— Шрапнели до васъ не долетали. Онѣ рвались правѣ васъ, надъ долиной и надъ поѣздомъ, который въ это время подошелъ. Вы не помните ли, гдѣ находился паровозъ... впереди или сзади?

— Ну, ужъ этого я не помню.

— А между тѣмъ это очень важно. Вы, кетати сказать, сами потомъ уѣхали въ этомъ поѣздѣ и, навѣрно, также не помните, былъ ли это санитарный или какой-либо другой...

— Нѣтъ, не помню...

— Это былъ поѣздъ желѣзнодорожнаго батальона, въ которомъ прѣхалъ на позиціи начальникъ дороги, желая посмотреть, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ. За полчаса передъ этимъ на станціи Шаха не имѣли понятія объ отступленіи. Въ то время, когда чувство паники овладѣло всѣми людьми, находившимися на этой равнинѣ, вы сошли съ переѣзда и направились къ поѣзду... т. е. назадъ...

— Этого я не помню... впрочемъ, можетъ-быть...

— Навстрѣчу вамъ шелъ генералъ въ формѣ инженерныхъ войскъ. Это былъ красивый мужчина среднихъ лѣтъ, съ большимъ серебрящеюся борою. Вы ему отдали честь и невольно послѣдовали за нимъ. Это былъ генералъ Хорватъ. Онъ находился въ самомъ довольномъ настроеніи и обращался къ шедшему рядомъ съ нимъ офицеру съ интересными замѣчаніями и вопросами.

Онъ говорилъ:

— Это, кажется, стрѣльба изъ орудій?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Это стрѣляютъ японцы?

— Такъ точно, японцы.

— И... кажется, убиваютъ людей?

— Такъ точно, убиваютъ.

И генералъ, увлеченный величіемъ картины, пошелъ дальше, по направленію къ группѣ, стоявшей на переѣздѣ.

— Я что-то помню, но смутно... Но это мелочь.

— По-вашему, мелочь, а по-моему—нѣтъ. Это очень характерно. Новоприбывшій генералъ былъ зрителемъ, и тѣ офицеры генеральнаго штаба, которые стояли на переѣздѣ, были такими же зрителями, съ тою только разницею, что новый генералъ, какъ въ первый разъ попавшій въ огонь, былъ зрителемъ болѣе любопытнымъ...

— Весьма поучительно... Однако кто же вамъ сказалъ, что онъ былъ въ первый разъ въ огнѣ?

— Моя наблюдательность.

— Но отчего же, позвольте, отъ вашей наблюдательности укрылось одно обстоятельство...

— Что вы бросились возстановливать порядокъ... До этого еще не дошла очередь. Получивъ приказаніе отъ начальства, вы сѣли на своего рыжаго коня и поскакали среди бѣгущихъ, шедшихъ и скачущихъ верхомъ. Вы начали дѣйствовать тогда, когда было уже поздно...

— Почему поздно?

— Удивляюсь, почему вы этого не видѣли. Это видѣлъ и понималъ каждый изъ солдатъ, на которыхъ вы насккивали съ приказаніями и угрозами. Есть такая истина: «можно увѣрить другого только въ томъ, въ чемъ увѣренъ самъ». Вы были увѣрены, что порядка не возстановите, и дѣйствовали, а потому ничего не сдѣлали. Никто васъ не слушалъ. Точно также не слушали другого офицера генеральнаго штаба, подполковника Глобичева, бывшаго начальника штаба 54-й дивизіи Орлова. Вы, господа военные, считаете солдата автоматомъ, у котораго есть ноги, чтобы ходить, и руки, чтобы держать винтовку. Между тѣмъ у нихъ есть и душа, и чуткость, какъ вообще у всѣхъ людей, и они очень хорошо видятъ и чувствуютъ, у кого изъ начальниковъ есть воля и у кого нѣтъ. Тѣ солдаты, на которыхъ вы съ подполковникомъ Глобичевымъ насккивали, смотрѣли на васъ съ недоумѣніемъ, и каждый былъ увѣренъ, что вы это дѣлаете только такъ—для формы и на успѣхъ не надѣетесь. Тотъ офицеръ, котораго вы остановили, очень просто отвѣтилъ, что онъ идетъ собирать свою роту, которая «тамъ впереди», т. е. позади, куда онъ и продолжалъ свой путь. Нѣсколько всадниковъ какой-то конно-охотничьей команды на ваше приказаніе остановиться не обратили никакого вниманія. Они хорошо поняли, что вы со своимъ распоряженіемъ запоздали. Одинъ даже крикнулъ: «Чаво еще! Спусти лѣто — по малину!» Вы бы могли стрѣлять, но все равно ничего бы не вышло.

— Потому что трусы...

— Нѣтъ, потому что было поздно. Часа два, три передъ этимъ, когда артиллерія еще не скакала передъ вами въ бѣшеномъ галопѣ, и паника еще не овладѣла десятками тысячъ людей, тогда еще можно было подумать объ удержаніи позиціи или объ отступленіи въ порядкѣ, но этотъ моментъ вы пропустили.

— Но, тогда я такого приказанія не получалъ.

— Въ такомъ случаѣ, не обвиняйте же солдатъ... Строевые офицеры не могли также возстановить порядка, потому что онъ нарушался вами же...

— Какимъ образомъ?

— Или вашими товарищами, посылавшими распоряженія черезъ ординарцевъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать самимъ. Тогда было еще не поздно и не получались бы недоразумѣнія въ родѣ того, что Моршанскій полкъ получилъ приказаніе наступать, въ то время когда Юхновскій полкъ получилъ приказаніе отступать. Но въ данное время моментъ былъ уже упущенъ. Итакъ, ничего не сдѣлавъ, вы поѣхали къ поѣзду, къ которому сносили раненыхъ и къ которому стекались ближайшія къ линіи группы солдатъ, точно искали въ этомъ поѣздѣ свою защиту. Онъ уже былъ полонъ ранеными. Они лежали въ товарныхъ вагонахъ на полу. Медицинской помощи не было, потому что это былъ не санитарный поѣздъ. Единственный, случайно оказавшійся тутъ, ротный фельдшеръ, въ бѣлой папахѣ, бѣгалъ изъ вагона въ вагонъ и дѣлалъ что могъ съ ничтожнымъ количествомъ имѣвшихся въ поѣздѣ перевязочныхъ средствъ. Многие тяжело раненые уже умерли. Генералъ Хорватъ уже нѣсколько разъ отдавалъ приказанія двинуть поѣздъ на сѣверъ, но онъ все еще стоялъ на мѣстѣ.

— Это почему же?

— А вы и не замѣтили? На рельсахъ между колесами паровоза и впереди него сидѣли солдаты. Однихъ угоняли, набивались другіе. Машинистъ пускалъ паръ, чтобы ихъ отогнать, люди обжигались, но на ихъ мѣста садились другіе. Странная вещь. Эти самые люди нѣсколько сутокъ сидѣли на позиціи подъ губительнымъ огнемъ и равнодушно относились къ опасности. Правда, и теперь шрапнели рвались въ долину и кругомъ поѣзда, и пули ихъ барабанили по крышамъ вагоновъ, но это былъ совсѣмъ не тотъ огонь, который эти же люди спокойно выдерживали предыдущіе часы и дни. Помните, какъ вы остановили какого-то бородача Юхновскаго полка, который почти подъ ногами вашей лошади лѣзъ въ вагонъ.

— Помню, что-то въ родѣ этого...

— «Ты куда прешь? Ты раненъ?»—спросили вы.—«Никакъ нѣтъ, я... ослабѣлъ...»—отвѣтилъ солдатъ.

Онъ, дѣйствительно, «ослабѣлъ» не столько физически, сколько нравственно. Онъ раскисъ, палъ духомъ, потерялъ надъ собою волю и свою собственную, и начальственную. Вы, конечно, не замѣтили, что онъ плакалъ и говорилъ трясущимися губами. Онъ плакалъ отъ стыда—за себя или за другихъ, онъ бы не сумѣлъ этого объяснить. Но, со своей стороны, онъ сдѣлалъ все, что можно требовать отъ солдата. У него была сила, выносливость, терпѣніе и покорность. Вы этимъ не воспользовались, когда было время, не поддержали остатокъ его энергіи и допустили его до того, что онъ «ослабѣлъ».

— Трусы! Негодай!.. Я останавливалъ ихъ, но что же я могъ сдѣлать...

Подпоручик 148 Каспийскаго п.ф. полка В. С. Александровъ, пропавшій безъ вѣсти при боѣ у рѣки Шахъ.

Офицеръ вскочилъ со скамьи и швырнулъ въ окно недокуренную папироску.

Ванька-Кайнъ подвинулся поглубже въ уголъ отъ величественной фигуры сосѣда и продолжалъ спокойнымъ и ровнымъ тономъ:

— Потому что было уже поздно. Это съ одной стороны, а съ другой—вы сами не умѣете повелѣвать и владѣть собою...

Офицеръ насторожился и съ высоты своего роста, черезъ плечо посмотрѣлъ на сосѣда.

— Это еще что за откровеніе?..

— Изъ всего того, что я разсказалъ вамъ, вы помните очень мало. Но то, что я разскажу дальше, вы навѣрно совсѣмъ не помните.

— Забавно... валяйте. Кажется, сейчасъ 84-й разъѣздъ?

— Онъ самый... Наконецъ, машинисту при помощи солдатъ желѣзнодорожнаго батальона удалось разогнать людей изъ-подъ паровоза. Если бы этотъ поѣздъ пришелъ паровозомъ впередъ, то при обратномъ движеніи машинистъ не зналъ бы, что дѣлается въ сѣверной оконечности поѣзда. Свистокъ не подавали, чтобы не привлекать вниманія непріятеля, и могли бы подавить много народу. Когда поѣздъ тронулся, вы поѣхали къ переѣзду, гдѣ стояла группа генераловъ и офицеровъ. Поѣздъ еще нѣсколько разъ останавливался. Люди лѣзли въ вагоны, толпились передъ паровозомъ, подносили раненыхъ, которые уже лежали на площадкахъ по пяти, по шести человѣкъ... Желѣзнодорожные солдаты этого поѣзда сидѣли на крышахъ вагоновъ. Поѣздъ, послѣ ежеминутныхъ остановокъ, могъ двигаться медленнѣе шага человѣка. Между тѣмъ гранаты уже падали и рвались недалеко отъ поѣзда. Нужно было вывозить его изъ огня. Нѣсколько человѣкъ уже было убито около самыхъ вагоновъ. Вы подѣхали шагомъ къ переѣзду и отдали вѣстовому лошадей. Не успѣли вы подойти съ докладомъ къ генералу, который васъ послалъ, какъ... въ воздухъ послышался отвратительный свистъ шимозы... Къ этому звуку никогда нельзя привыкнуть. Онъ леденитъ кровь... Чувство трепета при этомъ звукѣ испытываетъ каждый... Храбрость заключается въ умѣнїи скрыть впечатлѣніе и владѣть собою.

— Совершенно вѣрно... Но что же дальше?..

Офицеръ бросилъ недокуренную папироску и закурилъ новую. — Въ эту минуту вы проходили мимо телеграфнаго столба. Когда вы услышали свистъ... вы бросились къ этому столбу и... заключили его въ свои объятія... какъ лучшаго друга дѣтства...

— Что это? Мистификація?..

— Нѣтъ, это истинное происшествіе... Вы же разрѣшили и даже просили меня говорить правду...

— Но этого не было... этого не могло быть... Вы сочиняете...

— Даю вамъ честное, благородное слово, что это было... Клянусь вамъ своею стриженою бородою, что это истинная правда... Чтобъ меня пришибло шрапнелью, чтобъ въ моей утробѣ разорвалась такая же шимоза, если я вру... Вы просто забыли, какъ я и предполагалъ... У васъ не хватаетъ... наблюдательности...

— Но это чортъ знаетъ что такое...

— Я съ вами согласенъ. Я не знаю, что вамъ такъ понравился этотъ столбъ, и какую защиту онъ могъ для васъ представить, но шимоза уже успѣла разорваться, осколки ея, никого не задѣвъ, уже давно лежали на землѣ, а вы все еще продолжали держать его въ своихъ трепетныхъ объятіяхъ...

— Ну, однако, я полагаю, что этого совершенно достаточно... Наконецъ... все, что вы говорите, голословно... Нельзя же говорить голословно... нужно доказать...

— Конечно, нужно доказать... разъ вы не вѣрите мнѣ на слово...

— То-есть какъ же это?.. Я васъ не понимаю...

— А вотъ послушайте. Покуда вы слѣзали съ лошади, я успѣлъ тоже подойти къ переѣзду. Когда послышался свистъ снаряда, мое штатское сердце ёкнуло, но такъ какъ я знаю, что въ этихъ случаяхъ никакія мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе на ровномъ мѣстѣ, не помогутъ, а телеграфный столбъ никоимъ образомъ не можетъ служить защитой, я остался стоять въ трепетномъ ожиданіи. Въ то же мгновеніе у меня явилось желаніе снѣть разрывъ шимозы. Я открылъ аппаратъ, бывшій при мнѣ, и, когда раздался трескъ... повернулся въ ту сторону, откуда онъ послышался, и открылъ затворъ... На пленкѣ букетъ дыма отъ разрыва вышелъ очень мелкимъ... къ сожалѣнію... но зато на первомъ планѣ вышли вы и этотъ самый телеграфный столбъ... въ вашихъ объятіяхъ...

— У васъ есть этотъ снимокъ?—вскрикнулъ офицеръ, хватая Ваньку-Кайна за кофѣю.

Его неумолчный взглядъ говорилъ въ эту минуту: «Если у васъ этого снимка нѣтъ, то вы погибли».

— Я вамъ его сейчасъ покажу...

— Онъ съ вами? Это удивительно... удивительно... Прямо непостижимо...

Ванька-Кайнъ притянулъ къ себѣ свою полевую сумку, туго

набитую всякими бумажками и тетрадками, и сталъ въ ней рыться...

— Когда первое впечатлѣніе отъ удара шимозы прошло, какой-то драгунъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Успѣли?» Я отвѣтилъ: «успѣли». Тогда вы отошли отъ столба и громко ему сказали, обращаясь собственно по моему адресу: «Какого чорта пускаютъ сюда этихъ господъ». Вы это, навѣрно, помните?

— Э... собственно васъ я не помню, но вашу красную перевязь помню...

— Ненавистную перевязь?..

— Именно ненавистную... Я отъ своихъ словъ не отказываюсь... Но гдѣ же этотъ самый снимокъ?..

Ванька-Кайнъ нашелъ, наконецъ, отпечатокъ и передалъ его офицеру.

— Снимокъ очень неважный... Было уже мало свѣта. Но все-таки васъ узнать можно, какъ видите. У меня очень хороший анастигматъ, и онъ беретъ даже при слабомъ освѣщеніи...

— Да... да...

Офицеръ держалъ снимокъ въ лѣвой рукѣ, а правой неумолчно дергалъ къверху свой пушистый усъ...

— Странно только, что я... стою спиной къ разрыву...

— Да, это очень интересное явленіе... Это бываетъ всегда, когда человѣкъ растеряется. Притомъ по звуку снаряда очень трудно опредѣлить, будетъ ли перелетъ или недолетъ. Во всякомъ случаѣ снимокъ очень интересный. Поза самая непринужденная. Видно, что человѣкъ не позировалъ и нисколько не думалъ, что его снимаютъ, а занимался своимъ дѣломъ...

— Да... да...

Офицеръ что-то серьезно обдумывалъ...

— И притомъ замѣтите, какъ тонко вышли детали. Въ лѣвой рукѣ вы держите стѣкъ, тотъ самый, которымъ вы пытались водворить порядокъ, а потомъ тутъ же его бросили. Теперь съ нимъ щеголяете какой-нибудь японскій кавалеристъ... Тутъ можно даже разглядѣть темлякъ. Это не тотъ, который вы теперь носите, потому что вы его получили именно за этотъ день.

— Да... да... удивительное стеченіе обстоятельствъ... Знаете, у меня къ вамъ большая просьба... Если вы ея не исполните, то... я, во всякомъ случаѣ, постараюсь добиться этого...

— Не надо вамъ добиваться, потому что я охотно исполню ее...

— Развѣ вы догадываетесь?.. Я хочу просить у васъ этотъ снимокъ.

— Я понимаю. Можете его взять...

Ванька-Кайнъ порылся въ своей сумкѣ.

— Одного отпечатка, конечно, мало. Я вамъ могу отдать и негативъ... Вотъ онъ—пожалуйста...

— Весьма благодаренъ... Сколько это стоитъ... я готовъ, конечно, уплатить...

— Это стоитъ недорого... Мнѣ обходится это кое-какъ въ двадцать, тридцать—не больше... Но, пожалуйста, не беспокойтесь... Спрячьте вашъ кошелекъ. Я этимъ товаромъ не торгую...

— Простите, пожалуйста... Но вашъ трудъ... ваше время...

— Объ этомъ тоже не беспокойтесь... Мой трудъ и мое время будутъ опфены во всякомъ случаѣ... не вами...

Офицеръ всталъ.

— Да, но, во всякомъ случаѣ, и я не хотѣлъ бы оставаться вашимъ должникомъ... Мы, кажется, прїѣхали?

— Вы мнѣ ничего не должны... Мы уже разсчитались.

— Какъ такъ?

— Вы мнѣ дали возможность еще одинъ лишній разъ сдѣлать пріятное открытіе...

— А именно?

— Изъ разговора съ вами я еще разъ убѣдился, что вы и люди одинаковыхъ съ вами взглядовъ не любятъ нашего брата не за то, что мы «времъ», какъ вы выразились. Пускай это обвиненіе останется тяготѣть надъ нами, не въ этомъ дѣло. А за то именно и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы говоримъ правду, которую имѣемъ возможность видѣть своими глазами.

— Это финалъ?

— Финалъ.

— Не буду спорить, потому что мы съ вами не сойдемся.

— Я тоже думаю...

— Самое главное, что мы квиты. Распрощаемся и останемся каждый при своемъ мнѣніи. Я еще разъ скажу: былъ бы я главнокомандующимъ—ни одного бы изъ васъ... ни одного... понимаю... Ха-ха-ха!.. Вы, пожалуйста, не обижайтесь... Я тутъ встрѣчалъ еще многихъ съ такими же красными перевязями... въ особенности въ Гунджулинѣ... И знаете, каждый разъ при встрѣчѣ съ такимъ господиномъ мнѣ припоминаются строфы изъ Пушкина:

«Что ты ночью бродишь, Кайнъ,
Чортъ занесъ тебя сюда...»

Ха-ха-ха. Ну, будьте здоровы...

Поѣздъ остановился.

Офицеръ генеральнаго штаба пошелъ отыскивать присланную за нимъ двуколку. Онъ ѣхалъ считать муловъ, закупленныхъ имъ для обоза...

Ванька-Кайнъ также вышелъ изъ вагона, чтобы посидѣть въ буфетѣ разъѣзда въ ожиданіи дальнѣйшаго отъѣзда поѣзда. Онъ ѣхалъ на станцію Сыпингай, а оттуда на передовыя позиціи...

Аквариумъ о. Санта-Каталины. Каракатица, нападающая на рыбу.

Островъ Санта-Ката- лина.

Путевые очерки
по Америкѣ Григоріа
де-Каннэ.

(Съ 4 рисунками
на стр. 44 и 45).

Въ тридцати пяти верстахъ на юго-востокъ отъ прибрежнаго материка южной Калифорніи, и въ семидесяти пяти верстахъ отъ Лосъ-Анжелеса — столицы послѣдней, — поднимается изъ водъ Тихаго океана многовершинный гористый островъ Санта-Каталина. Этотъ островъ, сравнительно незначительной величины (отъ трехъ четвертей до че-

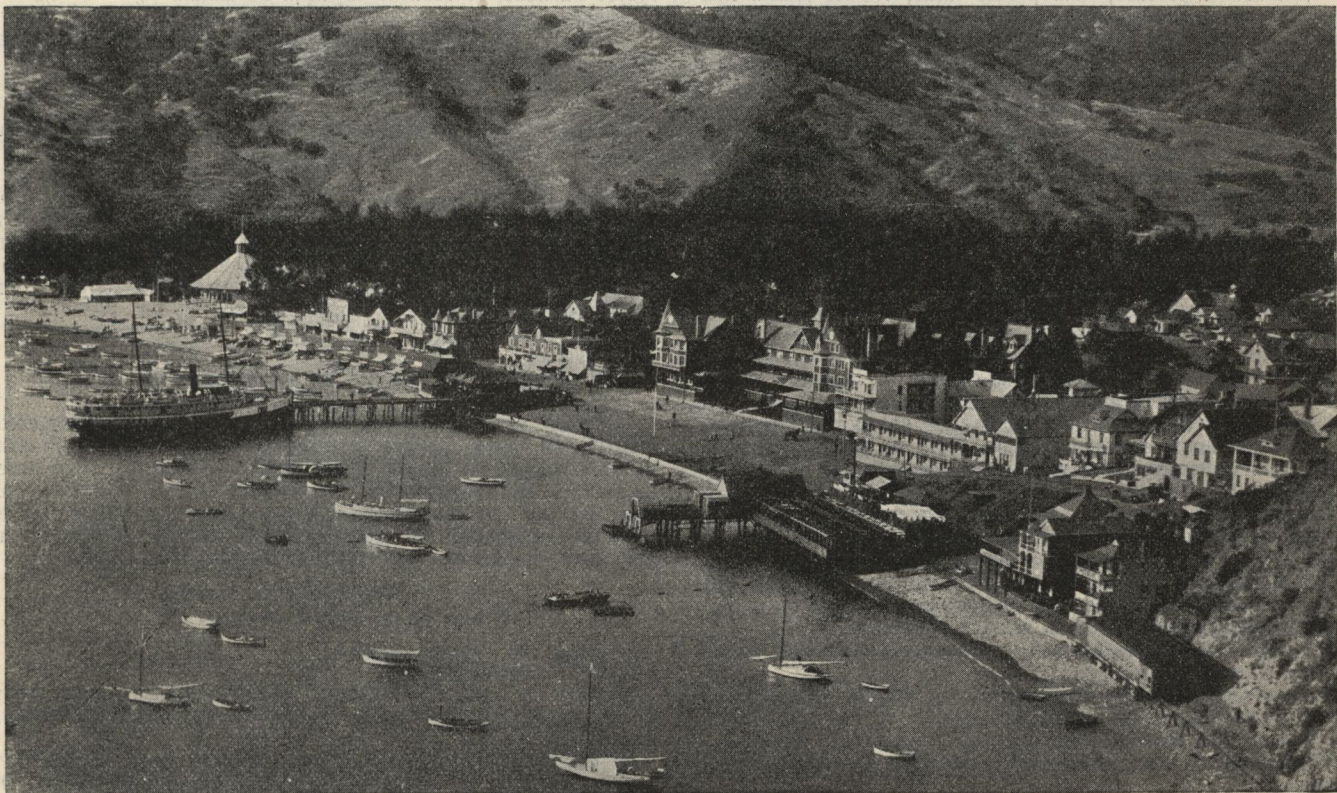
тырнадцати верстъ въ ширину и немного болѣе тридцати трехъ верстъ въ длину, по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу), о которомъ, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, не только европейцы, но даже большинство американцевъ, не имѣли никакого понятія, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ сталъ всемірно-извѣстнымъ, какъ одна изъ оригинальнѣйшихъ живописнѣйшихъ, здоровѣйшихъ дачныхъ мѣстностей въ свѣтѣ, и какъ «городъ палатокъ» и «рай удильщиковъ».

Замѣчательно положеніе этого острова: въ то время, какъ на южномъ и западномъ берегахъ вѣчно бушуютъ прибой волнъ, съ грохотомъ и трескомъ разбиваясь о неприступныя скалы и крутые утесы, на сѣверномъ и восточномъ берегахъ всегда царствуетъ полнѣйшая тишина и безвѣтріе. Тутъ и тамъ, врѣзывающіяся въ приморскіе утесы бухточки, окаймленныя песчаными берегами, отражаютъ въ зеркальныхъ поверхностяхъ своихъ мирныхъ, небесно-прозрачныхъ водъ и береговыя скалы, и крутые приморскіе утесы, и вершины горъ, и вѣчно лазурное небо. На берегу одной изъ такихъ бухточекъ, а именно «Avalon Bay» (бухта Авалонъ), и раскинулась живописная деревушка того же имени.

Аквариумъ о. Санта-Каталины. Осьминогъ, пожирающій морского рака.

Климатъ Санта-Каталины превосходитъ своей нѣжностью чудный климатъ Ривьеры и Мадеры и подвергается еще меньшимъ атмосфернымъ измѣненіямъ, чѣмъ сама южная Калифорнія. Несмотря на то, что Авалонъ находится чуть ли не въ водѣ, климатъ его совершенно теплый и сухой; ночи здѣсь полны нѣги и красоты, при совершенномъ отсутствіи сырости и прохлады, такъ какъ вѣтры прибрежнаго хребта Сьерра-Невады, дующіе по направленію къ морю, проходя по гладкой поверхности водъ, теряютъ свою суровость. Средняя температура Авалона — 65° Ф.; средняя высшая

Островъ Санта-Каталина. Гавань Авалонъ. По фотографіямъ Григоріа де-Каннэ.

температура в августе: в 6 часов утра — 72° Ф., в полдень — 78°, а средняя температура воды днем — 76° Ф. Зимой Санта-Каталина представляет собою сплошной цветущий сад — настоящий парк Тихого океана.

Маленькая, полукруглая гавань Авалона вечно кишмя-кишит судами всевозможных форм и размеров, начиная с крошечных яликов и скромных лодок и кончая роскошными яхтами и крупными пароходами, совершающими ежедневные рейсы между островом и материком. Бухточка и берег всегда переполнены народом: это — излюбленное место дачников и туристов.

Замечательно красив светлосиний цвет воды в бухте Авалон, но еще более замечательна ее прозрачность, и ваш взгляд с величайшим трудом может различить, где кончаются в воде морские утесы и скалы и где начинается отражение; глядя же издали на катающихся в лодках, последние кажутся вам висящими в воздухе, а нагнувшись с лодки и смотря в воду, вы можете вполне ясно увидеть волшебную — фантастическую картину жизни на дне океана, на глубине пятнадцати саженей.

Эта замечательная прозрачность воды Авалона навела местных лодочников-проводников на весьма интересную, оригинальную мысль: устроить, для удовлетворения любознательности и любопытства публики, стеклодонные лодки. И вот, уже несколько лет, как одной из интереснейших и излюбленных прогулок местной публики и туристов, это — совершить часовую прогулку в прибрежных водах Санта-Каталины в лодках со стеклянным дном. Таких лодок имеется около пятидесяти различной величины: от обыкновенных лодок для пяти-шести человек до больших, паровых, вместимостью двадцать-тридцать пассажиров. В средине лодки продлено во дно «окно», от четырех до тридцати квадратных футов, смотря по величине лодки, с сиденьями и перилочками вокруг. Вид, который открывается вашим глазам, глядя в натуральный «аквариум» через это «окно», — поистине чудесен. Перед вашим взором проходят целые леса различных морских трав, плывуны и многих других фантастических растений всех цветов радуги; мириады чудно-прекрасных рыб редких лучезарных цветов и оттенков; тысячи золотисто-изумрудных морских животных; морские звезды, «огурцы» и «лимоны», раковины, черные, длинноспинные ежи, осьминоги и миллионы моллюсков и других странных растений и чудовищ, точно в волшебной движущейся панораме, проходящей перед вашим очарованным взором.

Это редкое богатство морской фауны и флоры в окрестностях Санта-Каталины побудило администрацию острова выстроить, на самом берегу моря, довольно обширный «аквариум», в стеклянных ящиках которого, в постоянно меняющейся морской воде, демонстрируются сотни редких морских рыб и животных из воды Тихого океана вообще, а бухты Авалона в особенности. Тут и впервые увидеть так-называемую рыбу «торпеду» (от латинского *torpedo* — «цепенить», или, как ее американцы называют, — «electric ray» — «электрический луч»), рыба, получившая свое название благодаря особому свойству своего тела, которое, если тронуть его голой рукой, причиняет онемение последней, сопровождаемое весьма болезненным ощущением всего тела, точно от удара сильного электрического тока.

Тут же я увидел рыбу «солнце» («sun-fish») — *Orthogoriscus mola*, получившую свое название благодаря своей совершенно круглой форме и светящейся поверхности. Эта рыба походит скорее на оторванную голову чудовищной рыбы, чем на целую рыбу. Весьма характерная, единственная в своем роде, особенность рыбы-солнца, это — самоповорачивание вокруг своей оси во время плавания, придающее ей вид быстро вертящегося колеса. Величина рыбы-солнца доходит до двенадцати футов в диаметре.

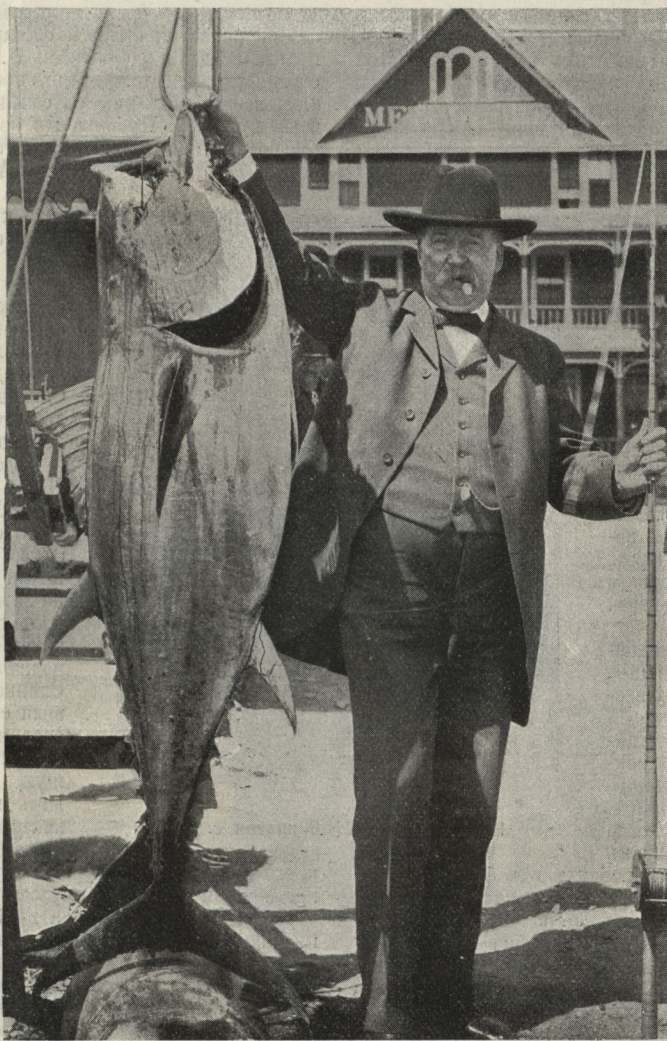
В отдельном аквариуме помещена морская «гидра» (*Actinia viridis*), животное, обладающее чудесным свойством делить-

сти: оторванные или отрезанные части животного вырастают быстро вновь, а само животное может быть умножено раздвением на самостоятельные, отдельные части. Морская гидра похожа издали на цветочную плетеную корзину с высокой травой. В тропических странах морская гидра употребляется туземцами в пищу. Очень интересна — рыба-шар («globe fish» — *Tetodon Pennantii*), принадлежащая к роду *Plectognathii* и обладающая свойством принимать совершенно круглую форму посредством вдыхания воздуха, который, наполняя первый желудок, надувает рыбу наподобие воздушного шара.

Весьма непривлекательный, отталкивающий вид представляет собою «каракатина», неправильно названная по-английски «cuttle fish» так как она, собственно, не рыба, но принадлежит к *Cephalopoda mollusca*, рода *Sepia*, и семейству осьминогих. У них восемь довольно длинных рук — ног, оканчивающихся зубчатыми рожками, посредством которых они могут прикреститься к какому угодно предмету. Одна пара щупальцев длиннее остальных. Ротатый рот находится посреди щупальцев и заострен наподобие ястребиного клюва. Питаются они морскими раками и другими черепаховыми животными. Особенная характеристика этих животных состоит в том, что под горлом, близ печени, у них имеется маленький пузырь, содержащий натуральный чернила — особую углеродистую жидкость. Эту жидкость они выбрасывают, когда бегут от преследуемого неприятеля, и от этого вода кругом них настолько темнеет, что очень часто им удается избежать опасности. Мне удалось видеть это лично. Заведующий аквариумом заставил одну из каракатиц продемонстрировать свой химический фокус в моем присутствии. Для этого он опустил в воду заостренную палку, которою сначала начал сильно мять воду, а затем раза два ударил животное острием. Моментально животное прыгнуло из мешочка темной жидкостью, от которой вода во всем ящике (который был в добрую кубическую сажень) почернела, точно в нее влили целую бутылку чернил, и воду надо было сейчас же сменить.

Авалон — «город палаток», «дачный лагерь» в полном смысле этого слова. Ни одна местность на свете не может сравниться с Авалоном по красоте, удобству и разнообразию дачной жизни. Несмотря на то, что в Авалон множество красивых дач, меблированных домов, комнат и превосходная гостиница (*Hôtel Metropole*), отвечающая, как и все американские гостиницы, всем потребностям самых изысканных вкусов и постоянно переполненная туристами из всех концов света, но большинство американцев предпочитают превратиться на месяц-другой в «предков», и живут там в палатках и шалашах под жарким солнцем, в просторе воздуха и неба, вблизи необъятного моря и прибрежных гор и долин. С этой целью администрация острова, лучшая часть которого принадлежит частным лицам, а именно — компании *Brothers Banning*, которым принадлежит и городок Авалон, выстроила недалеко от берега целый «город» палаток; таких дач-палаток в Авалоне больше тысячи, из которых около шестисот меблированы и обставлены всевозможными удобствами культурной жизни. Дачи-палатки — различной величины: от «холостых», скромных, в одну «комнату», до роскошных «семейных» в пять-шесть «комнат» с «кухней» и верандой. С начала мая до конца октября (в так-называемый «сухой» сезон, когда дожди там совершенно отсутствуют), тысячи американских семейств проводят в них свои каникулы.

Быстро, легко и весело проходит там время в этой гигиенической и чрезвычайно здоровой жизни под всеобъемлющими, животворящими лучами жаркого, полутропического солнца, среди укромных и освещающих, очаровательных горных и морских прогулок, купания в море, катания в лодках, охоты на

Остров Санта-Каталина. Редкий трофей — пятипудовый тунец, пойманный на удочку.

диких коз, которыми еще изобилует нагорье острова, и рыбной ловли.

Ни один уголок в мире не может доставить охотнику-рыболову столько истинного наслаждения и столько разнообразной возможности рыбного спорта, как остров Санта-Каталина, и нигде в мире не попадается на удочку такая крупная, невзрачных размеров рыба, как близ этого острова. Недаром Авалон назван «раем удильщиков» (The angler's paradise). Бухта Авалон кишми-кишит рыбами всевозможных пород, из которых самые интересны для рыболова-спортсмена, — это так называемый «прыгающий тунец» («leaping tuna» — *Thynnus Vulgaris*), черный морской окунь, принадлежащий к семейству *Synascion nobilis*, и так называемый «желтохвостик» («yellowtail»), рыба, имеющая сходство со смеей, но гораздо сильнее последней.

Hôtel Metropole служит главной квартирой «Tuna club», т. е. «клуба тунцов», членами которого состоят ярые любители-рыболовы. Удочка — единственное орудие, разрешаемое членам клуба. В общем зале гостиницы красуется на видном месте альбом с фотографией всех членов клуба, около двухсот человек, между которыми находятся рыболовы-любители из всех частей света. Тут же, в зале, выставлена красивая золотая медаль; ею ежегодно, в конце летнего сезона, награждается тот из членов, которому удалось поймать на удочку самую крупную рыбу, по весу. Счастливый обладатель медали становится президентом клуба и остается в этой почетной должности до тех пор, пока какому-нибудь другому члену этого клуба не удастся побить рекорд своего предшественника и установить новый всемирный рекорд. В члены этого клуба допускаются все, как мужчины, так и женщины, и между последними немало дам, которым неоднократно удалось побить всемирный рекорд ужения. Так, например, одна м-рс. J. Gardener поймала на удочку с катушкой «прыгающего тунца» в 136 американских фунтов (около 4 пудов), а м-рс. E. N. Dickinson — тунца в 216 американских фунтов (около 6 пудов). Но пальма первенства принадлежит м-рс. A. W. Barrett (жене генерала Barrett), которой посчастливилось побить всемирный рекорд, поймав на удочку с катушкой черного морского окуня в 416 амер. ф. (почти 12 пудов!).

Госпожа Барретт состояла президентом клуба до прошлого года, когда м-г. H. I. Kendall'у удалось побить этот всемирный рекорд еще на три фунта.

Ловля удочками этих морских гигантов составляет один из самых сенсационных, полных захватывающего интереса, рыбных спортивных в мире. Несмотря на то, что рыба довольно легко поддается на крючок в мирных водах бухты Авалон, меньше чем в ста сажнях от берега, но настоящий спорт начинается лишь после того, как вы зашли рыбу на крючок. Случалось, что целых семь часов приходилось буквально биться рыболову, пока ему удавалось надеть рыбу на багор; и от одной до тридцати верст приходится иногда лететь в лодке за рыбой, которая, точно буксирный пароход, влечет за собою рыболова с лодкой. Не успели вы зайти тунца на крючок, как тунец выскакивает из воды и делясь в воздух своей знаменитый «сальтомортале», иногда более двух с половиною сажень ввышину! Затем он моментально исчезает в воде, утащив с собою все 600 фут. ваших лесок, пока тормазик катушки не остановится; через минуту «сальтомортале» опять повторяется, чуть-чуть не опрокидывая вашей лодки... и опять рыба исчезла; на этот раз леса вдруг совсем ослабла, и вы в отчаянии: рыба ушла! Но, нтъ! Новый толчок — и леса опять понатужилась. Едва вам удалось намотать три-четыре сажени лесок, как вы моментально столько же потеряли. Не успели вы ахнуть, как вы уже опять вертите катушку, нагибаясь то в одну, то в другую сторону, стараясь удержать равновесие и сохранить напряжение лесок от внезапного порыва. То сюда, то туда летит ваша лодка, вертась, точно веретено. Другая рыба бросается в сторону, оставляя за собою полосу серебряной пены и водяных пузырей; но с такой же быстротой она, точно летящий призрак, на секунду опять появляется на поверхности, и снова исчезает из виду. Итак, быстрые повороты, воздушные прыжки, стремительные ныряния в глубину воды, сильные удары по поверхности последней и все водяные кустистости, на которые только способны эти морские гиганты, они пускают в ход, дорого, дюйм за дюймом, продавая свою жизнь и отбивая свою свободу. Когда же, наконец, удильщику удастся и зайти свою добычу на багор, то оказывается, что рыболов истощен не менее, чем его жертва; зато в его памяти врезывается впечатление, которое навряд ли когда-нибудь изгладится из его воображения.

Н. А. Лейкинъ. (Портр. на этой стр.)

Скончался Н. А. Лейкинъ.

Скончался один из популярнейших наших писателей, обладавший крупным самообытным и оригинальным талантом. Скончался писатель-юморист, создавший целую школу и совершенно особый жанр и имевший огромный круг читателей и поклонников.

Имя Н. А. Лейкина давно уже стало своего рода символом: оно знаменует для нас незлобивый благодушный смех, злободневную сатиру и оригинальные, схваченные на лету народные «словечки». С именем покойного навсегда останется связанным пришедший ему одному, им созданный и увлеченный жанр мелкой газетной «сенки». Эта «сенка» являлась у Лейкина всегда забавной и всегда колоритной и никогда не сбивалась на шарж, потому что Н. А. Лейкин был крупный художественный талант и умел использовать всякую мелочь, как истинный художник: он брал ее прямо из жизни и воспроизводил в полной реальной бытовой обстановке. Этот реализм и житейская правда всегда и удерживали Н. А. Лейкина в пределах художественности, и поэтому все его произведения, даже наиболее легковесные, всегда читались с большим удовольствием даже «серьезною» публикой. Публика же средняя, «сбрый» читатель — пожелательно зачитывался Лейкиным, не зная писателя миле его.

Н. А. Лейкин избрал для своего творчества хорошо известный ему быт мелкого купечества, приказчиков, чиновников, салонниц, «коломенских моншен» и всякого сбрга служащего и рабочего люда: дворников, кухарок и т. п. С глубоким юмором, с удивительной способностью откликаться на «злобы дня», он осмивал их невежество, некультурность, дикость и нравственную уродливость. Сатира Н. А. Лейкина никогда не была достаточно глубока, но она отличалась меткостью и бойкостью.

Подобно многим талантливым людям Н. А. Лейкин начал лучше, чем кончил. Первая половина (или, впрочем, начало) его литературной деятельности дала более ценные в художественном отношении результаты. Покойный выступил на литературное поприще в одно время и под одним флагом с Григоровичем, Островским и с известными «народниками» — Левитовым, Якушкиным, Стѣпцовым и другими. Народники поставили своей целью изучать жизнь и быт средних и низших классов населения, подслушивать и воспроизводить настоящую народную речь. Н. А. Лейкин, как питомец именно средних, близких к народу слоев общества, сразу вошел в ряды писателей-народников и его первые литературные труды («Апраксинцы», «Христовая невеста» и пр.) создали ему заслуженную известность.

Н. А. Лейкин родился в 1841 году в семье петербургского гостиндворского купца, коренного русского человека. Отец его любил литературу и воспитал любовь к ней и в своем сыне. Сначала никто в семье не подозревал, что Н. А. Лейкин сдается писателем, и молодой человек усердно продолжал занятия отца, т. е. помогал ему в торговле, служил приказником в кладовой и т. д. Образование Н. А. Лейкин получил в немецком реформатском училище.

Литературная деятельность покойного началась очень рано: еще в бытность свою в училище он написал несколько песенок для ученических спектаклей. В настоящей большой литературе он дебютировал в 50-х годах стихотворением «Кольцо», а затем в 1861 году был напечатан в «Петербургском Вестнике» его первый рассказ «Гробовщик».

Но настоящее литературное имя Н. А. Лейкин создал себе своими «Апраксинцами» и «Биржевыми артельщиками». Это были ряд талантливых и сжато написанных очерков, сразу обративших на себя внимание колоритностью и знанием быта и языка изображаемой среды. Такой же успех имел упомянутый нами роман «Христовая невеста», появившийся в 1871 году.

Н. А. Лейкин был необычайно плодовитым писателем. Им выпущено в свет более 40 томов отдельных романов, рассказов и очерков, не считая огромного количества газетных фельетонов («Сенки»). Наиболее известными произведениями его являются: «Наши за границей», «Неунывающие россияне», «Саврасы без узды», «Стукни и Хрустальников», «Нимфа» и т. д. Покойный написал также несколько пьес и для сцены — «Медаль», «Кумь пожарный», «Привыкать надо» и др.

С 1869 года Н. А. Лейкин стал постоянным сотрудником «Петербургской Газеты», а с 1881 г. начал редактировать юмористический журнал «Осколки». В этом журнале он гостеприимно встречал и давал место всем начинающим талантам и в свое время принял в нем такие имена, как А. П. Чехова, К. Баранцевича...

Н. А. Лейкинъ († 6 января с. г.)

Старообрядческий крестный ходъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ 6 января с. г., — первый крестный ходъ въ Крещение послѣ болѣе чѣмъ полу-вѣкового запрета.

По фот. К. А. Птицына.

Крестный ходъ на Иордань изъ Рождественскаго старообрядческаго храма.

Рождественскій храмъ, изъ котораго вышелъ крестный ходъ.

Иордань, сооруженная на озерѣ Рогожскаго старообрядческаго кладбища.

Крестный ходъ, возвращающійся обратно въ Рождественскій старообрядческій храмъ.

За послѣднія 25 лѣтъ покойный былъ усерднымъ и энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ: онъ состоялъ гласнымъ петербургской думы, участвовалъ въ думскихъ коммисіяхъ, былъ почителемъ разныхъ благотворительныхъ заведеній и обществъ. Особенную любовь и вниманіе онъ проявлялъ къ мірку заброшенныхъ нищихъ дѣтей: для нихъ онъ сдѣлалъ чрезвычайно много.

Какъ человѣкъ, Н. А. Лейкинъ отличался удивительною добротою и душевностью. Вѣжливость его была нѣсколько сурова и грубовата, но первое впечатлѣніе этой суровости скоро смѣнялось совершенно противоположнымъ впечатлѣніемъ. Н. А. Лейкинъ заболѣлъ за нѣсколько дней до Рождества и вынужденъ былъ лечь въ Марининскую больницу. Тамъ ему сдѣлали удачную операцію, но появились осложненія, и 6-го января онъ скончался, не придя къ сознанию.

Съ его кончиною въ нашей литературѣ образовался крупный пробѣлъ, и долго не забудутъ автора «Сенюкъ» его многочисленные поклонники. А тѣ, кто зналъ его ближе, всегда будутъ помнить добромъ этого отзывчиваго, душевнаго человѣка и честнаго общественнаго дѣятеля.

Слово Любви. (Рис. на стр. 36).

Слова любви—святая милостыня неба. Они падаютъ въ сердца людей, какъ тихій весенній дождь, струящийся на покрытую снѣгомъ землю, въ которой покоятся зерна грядущаго урожая. Слова любви размягчаютъ очерствѣвшее сердце, увлажняютъ его растаявшими слезами и будятъ покоящихся въ немъ зерна любви и добра.

Картина нѣмецкаго художника, Фаншмидта представляетъ религиозное собраніе въ ветхомъ деревенскомъ молитвенномъ домѣ. Кругомъ вдохновеннаго проповѣдника Христа простой народъ съ глубокимъ чувствомъ, отрѣшившись отъ будничной жизни, слушаетъ святыя слова любви. Слушаютъ эти слова и старики, оставшіе за собою длинную тѣнь житейскихъ невзгодъ, страданій и ошибокъ, и дѣти, только-что вступившія въ свѣтлую полосу жизни. И тѣмъ, и другимъ нужны и дороги эти святыя слова... Картина Фаншмидта является очень удачною и трогательною модернизацией евангельскаго сюжета.

Д. В. Сироткинъ, председатель совѣта всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ.

М. И. Бриллиантовъ, товарищъ председателя совѣта всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ.

Паденіе консерваторовъ въ Англіи.

(Политическое обозрѣніе).

Парламентскіе выборы въ Англіи закончились такимъ полнымъ пораженіемъ консерваторовъ и торжествомъ либераловъ, какого не ожидала ни одна изъ борющихся сторонъ. Консервативно-унионистское большинство прошлой палаты сразу обратилось въ ничтожное и жалкое меньшинство, которому не суждено играть въ обновленномъ на семилѣтній срокъ парламентъ никакой роли. Вчерашніе владыки Англіи растаяли въ слабую второстепенную партію, мало чѣмъ превышающую по числу голосовъ партію націоналистско-ирландцевъ или вновь образовавшуюся рабочую партію. Весьма характерно, что одиннадцать членовъ консервативнаго министерства, и въ томъ числѣ самъ Бальфуръ, забаллотированы въ своихъ общинахъ и уже не вернутся въ палату. Можно думать, что старая партія консерваторовъ, руководившая судьбами государства временами съ такимъ успѣхомъ и съ такою славой, уже умерла: по крайней мѣрѣ, старое названіе ея даже не фигурируетъ въ передаваемыхъ по телеграфу избирательныхъ бюллетеняхъ и всюду замѣнено новымъ названіемъ: «унионисты», т. е. соединившіеся съ чемберленовцами. Пораженіе на выборахъ консерваторы терпятъ подъ этимъ новымъ именемъ, а старыя ихъ знамена, подъ которыми они сокрушали самого Гладстона, уже сданы въ архивъ.

Такъ капризно измѣнчивы и программы, и участь современныхъ политическихъ партій!

Быть-можетъ, отчасти, именно рѣзкое отступленіе отъ старыхъ торійскихъ традицій и сліяніе съ буржуазно-оппортунистическимъ Чемберленомъ и привели къ паденію традиціоннаго англійскаго консерватизма. Раньше чѣмъ пасть, онъ внутренне выродился въ программной переработкѣ такихъ политическихъ дѣльцовъ, не пользующихся даже хорошей нравственной репутаціей, какъ пресловутый Чемберленъ, виновникъ позорной англо-бурской войны, поставившій изъ своихъ заводовъ оружіе обѣимъ воюющимъ арміямъ. Въ своихъ планахъ таможенныхъ реформъ и жадныхъ мечтахъ торгово-промышленнаго империализма, онъ всецѣло сталъ на сторону интересовъ крупныхъ промышленниковъ и фабрикантовъ Англіи. Народъ, который помнитъ еще страшную дороговизну хлѣба во время существованія хлѣбныхъ пошлинъ и свято чтить память Кобдена, ставшаго во главѣ агитаціи за свободу торговли, сразу удивившей продукты питанія, не могъ пойти за Чемберленомъ. Въ странѣ, гдѣ политическая власть принадлежитъ крупному капиталу, несочувствіе народныхъ массъ само по себѣ еще не означало бы неперемѣннаго провала чемберленовской программы, но дѣло въ томъ, что даже и въ торгово-промышленныхъ кругахъ Англіи она еще далеко не снискала такой популярности. Англія, когда-то, еще со временъ Елизаветы, сумѣвшая опередить Европу по пути развитія промышленности и торговли, притомъ, не безъ содѣйствія охранительныхъ пошлинъ, достигши первенства, нуждавшаяся для экономическаго завоеванія всего міра только въ свободѣ торговли. Свобода торговли была ей нужна такъ, какъ самому сильному борцу, сознающему свое первенство, нужна свобода соревнованія для того, чтобы получить первый призъ. Она его получила именно благодаря неограниченной почти свободѣ ввоза и вывоза, и по старой памяти донинѣ соединяетъ представленіе о національномъ богатствѣ съ представленіемъ о торгово-промышленной свободѣ. Въ настоящее время, когда Америка и Германія, начавшія тоже съ охранительныхъ пошлинъ, успѣли догнать, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства даже и перегнать Англію, и начали не только вытѣснять ея фабрики съ мірового рынка, но даже постепенно наводнять своими произведеніями ея внутренній рынокъ, стѣсняя дальнѣйшій ростъ ея національной промышленности, положеніе послѣдней рѣзко измѣнилось. Въ общей оцѣнкѣ его, быть-можетъ, Чемберленъ болѣе правъ, чѣмъ правотворные поклонники свободы торговли, но неудобства стараго порядка вещей еще не сознано подавляющимъ большинствомъ торгово-промышленнаго класса. Поставивъ таможенные реформы во главу своей программы, Чемберленъ слишкомъ поспѣшилъ съ жатвой, политически еще несозрѣвшей, идеи. Унионисты потеряли великое пораженіе главнымъ образомъ именно потому, что не сумѣли поладить съ новымъ факторомъ англійской политической жизни—съ выступленіемъ на избирательную арену рабочихъ массъ. Они сами, обсуждая горестные итоги кампаніи, говорятъ теперь о необходимости кореннаго измѣненія программы въ духъ ея демократизаціи, но во главѣ обновленнаго консерватизма стануть уже другіе люди, а не Чемберленъ, слишкомъ привыкшій базироваться на интересахъ кулической и промышленной Англіи.

Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, паденіе консерваторовъ и чемберленовцевъ сулитъ Европѣ эру сравнительной тишины и спокойствія, такъ какъ съ политической арены вотумомъ англійскаго народа удалены наиболее воинственные дѣтели, вызвавшие и войну съ бурами, и походъ въ Лхассу, и цѣлый рядъ дипломатическихъ столкновеній съ Россіей, неоднократно угрожавшихъ кровавой развязкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Материалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

Первыя 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакцію и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ и пр.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Б. Лазаревскаго. (Продолженіе).— Стихотвореніе Зои Бухаровой.— „Ванька-Каинъ“. Очеркъ В. А. Табурина.— Англія. (Политическое обозрѣніе).— Объявленія.
РИСУНКИ: Передъ зеркаломъ.— Слово Любви.— Лихой выѣздъ.— Война и нейтралитетъ.— Подпоручикъ В. С. Александровъ.— Акваріумъ о. Санта-Каталины.
1) Каракатица, нападающая на рыбу. 2) Осминогъ, пожирающій морского рака.— Островъ Санта-Каталина. 1) Гавань Авалонъ. 2) Рѣдкій трофей—пятнистый тунецъ, пойманный на удочку.— Н. А. Лейкинъ.— Старообрядческій крестный ходъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, 6 января с. г.— Д. В. Сироткинъ.— М. И. Бриллиантовъ.
Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 12.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Измал. просп., № 29.

Изд. А. Ф. Маркса, СПб., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

